

ПРИЕХАЛИ. Выпрыгивали из вагонов, сгружали свои вещи, сбивая в кучки, свор в, деревня к деревне, — осматривались. Куда их занесла судьба. Кругом была степь, широкая, раздольная. Низкое небо задернуто серой пеленой, ветер гонит по степи серебристые волны седого ковыля. Наподалеку от станция. Начинается стройка: роят котлованы, разгужают лес, кирпич, струю материалов; вереница грабарей вывозит куда-то землю... Вдали виднеются недостроенные корпуса цехов. И над всей этой стройкой стоит неумолчный гул: голосисто перекликаются десятники, звонко ударят о камень кайло, скрежещат лопаты, глухо и монотонно бьет что-то тяжелое о землю... Семен закрыл невольные глаза и подумал: «Чисто табор чыганский...». Повсюду палатки, а возле них костры.

Так начиналась Магнитка для Семена Николаевича Трубоченинова.

ЗЕМЛЯ — камень. Лом под ударами кувалды, звеня, медленно вгрызается в неподатливую почву. Удар, еще удар. Хрипло выдыхает Семен, бьет с оканьем, будто дрова колот. Южно-уральский морозец с колючим ветерком не страшен: спина у Семена взмокла, курится синеватым парком. Устали руки, спина, но Семен не останавливается, монотонно, как маятник, размахивая тяжелой кувалдой, опускает ее на лом с придыхом: к-ха! к-ха! Здесь на этом месте, где сейчас Семен бьет шпур — «лиси норы» — под закладку динамита, будет мартеновский цех. После Семена придут сюда взрывники, заложат заряды, и вздыбится промерзшая каменная земля, образуются котлован, а потом уж строители довершат все. Это Семен знает. Он не может только представить, как будет выглядеть этот цех, да и не только цех — весь завод. Пока здесь только заснеженная степь с чернеющими насыпями земли, кое-где поднимающимися стенами будущих цехов, разваленная колымажка, заваленная строительными материалами... Когда еще будет здесь завод, город? Часто задавали первостроителям себе этот вопрос, гадали, фантазировали: будет город молодых, все кругом будет зелено, уютно, в парках — фонтаны...

Пройдет эта первая зима, и Семен Николаевич увидит пока еще неясные очертания громадного завода и поверит, что будет здесь все: и город, и сады, и парки. Поверит и, не задумываясь, отправится назад, в деревню, чтобы перевезти сюда семью. Он будет так торопиться, что, добравшись до Кустаная, не станет ждать okazji и отмахнет оставшиеся до деревни сто километров пешком.

ЧЕРЕЗ одну трубу вода поступает в бак, через другую — выливается. За какое время бак наполнится водой, если известно, что... Михаил Семенович морщит лоб, ерошит рано пробившиеся седина. Задача не идет, смысл ее ускользает от него. Семиклассница Людмила смотрит на отца с сочувствием.

— Пап, давай, поможешь! — отвечает Михаил Семенович, вытирая обильно выступивший на лбу пот.

— Давай, давай, — дочь решительно тянет к себе

Окончание.

Начало на 1-й стр.

учебник; вчитывается в условие задачи, набрасывает на листок бумаги цифры.

— Так, так, а потом вот так. Готово. Видишь, как все просто?

Просто... Это тебе-то, пи-галда, просто, когда недавно проходила в школе, а тут уж все позабыл давно. Легче две смены подряд отработать, чем решить эту задачу, где через одну трубу бак наполняется, а через другую — вытекает вода вытекает. Михаилу Семеновичу кажется, что этот проклятый бак никогда не наполнится водой. «Наполняется — выливается...». Вот уж, поистине, переливание из пустого в порожнее...

Не пришлось им с братом долго учиться. Василий, правда, закончил семилетку, а вот он, Михаил, так и остался с четвертьными классами. И сейчас вот, почувствовав, что знаний явно маловато, сел за книги. И неудобно вроде бы — и дочь, и сын уже обогнали отца, а над.

Михаил Семенович отодвинул в сторону учебник, задумался. Перед глазами

стал папиросу, закурил, глядя в окно. И почувствовал ему, будто был уже такой день в его жизни, будто было уже что-то подобное...

Двадцать второго июня сорок первого года он сидел за партой, когда услышал: война! А потом были проводы на фронт первых добровольцев Магнитки, оркестры играли марши, звенела медь тонко, жалобно, будто прощалась с этими людьми.

Тогда-то и превратилась его учеба. Надо было идти работать, помогать семье. И Михаил пошел в училище по примеру старшего брата Василия — тот уже учился на электрика.

Оглядываясь назад, на прожитое, Михаил Семенович видит много общего в своей и брата биографиях. Вместе росли, вместе ходили в школу, оба недоучились и потом обоим пришлось ходить в вечернюю школу, учиться в школе мастеров, одновременно пошли работать на комбинат и трудятся здесь по сей день, не изменяя своей профессии. Все у них, казалось, шло просто, но в то

сталие уголки, малиновые меха и ремни со скрипом.

— Вот, гляди сам отец и обвел взглядом семью, — учитесь.

— На какие деньги купил-то, отец? — спросила удивленно мать, Домна Петровна.

— Премия получил. Четыреста рублей. Взял вот. И в хозяйстве бы деньги пригодились, да решил — пусть учатся. Может, и выйдет из кого толк.

«Толк вышел» из Михаила. И теперь, когда собирается вся семья вместе, Михаил берет в руки гармонь, и обязательно вспоминается ему тот далекий день.

В СПОРТИВНОМ обществе ДСО «Труд» комбината имя Василия Семеновича Трубоченинова знают хорошо: не один год он защищал честь комбината на помосте тяжелоатлетов, выступал на районных, городских, областных соревнованиях, участвовал в Спартакиадах народов РСФСР и СССР.

С чего началась его спортивная карьера? С дедов материнской линии, наверное. Он вместе с отцом Василием работал землекопом.

— Ну, слава богу, — облегченно вздохнула женщина. А я уж думала... Что же мы судим? Я сейчас чайку организую.

Геннадий Семенович протестующе замахал руками: — Не надо, не беспокойтесь. Лучше расскажите о Саше: кто дружит у него, как он дома себя ведет, помогает ли?

— Помогает. У него из рук ничего не выпадет, все доведет до конца.

И женщина стала рассказывать, как сын ее, Саша Калинин, работающий в бригаде мастера Трубоченинова, недавно отремонтровал стиральную машину, что к нему часто забегают мальчишки со двора по просьбой помочь проявить фотопленку, посмотреть непечатанные фотографии. И с гордостью добавила, что сын ее ведет кружок фотолюбителей.

Слушал ее Геннадий Семенович, и до того будто бы полностью им изученный человек открывался для него другой, неведомой ему стороной.

...Геннадий Семенович, в противоположность старшим братьям, у которых не

че и Михаиле Семеновиче.

— На них вот смотри. Крепко стоят на ногах, старая и трудным было это становление.

В 1948 году отец взял ее за руку и отвел в основную механический цех, где работал шофером. До этого были в семье разговоры о трудоустройстве дочери, и отец говорил, что будет она разметчицей.

Эта работа потребовала от Зои Яковлевны много терпения, точности глаза, рук, знаний. А это, в свою очередь, заставило ее ходить в вечернюю школу (бывает же: тут и познакомились с будущим мужем Василием Семеновичем Трубочениновым), закончить школу мастеров (чтобы легче было, учились по очереди: сначала он окончил, потом — она). Здесь она нашла свое призвание.

Зоя Яковлевна — активная общественница. Еще когда поступила работать в основную механический цех, была избрана профгрупповым бригады. Позже ее выдвинули в члены цехового комитета профсоюза, где она работает уже 15 лет. Неоднократно товарищи по работе выдвигали ее заседателем народного суда. Четыре созыва Зоя Яковлевна Трубоченинова избиралась депутатом областного Совета народных депутатов.

Уважают ее в цехе. За доблестный труд Зоя Яковлевна награждена орденом Трудового Красного Знамени, Ленинской юбилейной медалью. Она ударник коммунистического труда, неоднократный победитель социалистического соревнования, ударник 9-й пятилетки.

История повторилась. Как когда-то Зоя Яковлевна отец привел в основную механический цех, так и сама Зоя Яковлевна привела сюда свою дочь. И теперь здесь трудятся двое из семьи Трубочениновых.

ЗДЕСЬ рассказано далеко не о всех членах этой большой дружной и трудолюбивой семьи. Мы познакомили читателей только с теми из них, кто работает или работал на комбинате: об отце, матери (которая, кстати, тоже работала на комбинате — в шашотно-динасовом цехе), трех старших братьях, невестке. Их трудовой стаж превышает в общей сложности 120 лет. Здесь не рассказано о том, что сын Михаила Семеновича Трубоченинова Сергей, который служит сейчас в рядах Советской Армии, после окончания МГМИ направлен работать в Златоуст. Мы почти ничего не сказали о Трубочениновых как о работниках, о том, как их ценят на производстве. Но об этом лучше всего свидетельствуют их трудовые награды: отец, Семен Николаевич, награжден орденом «Знак Почета», медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За трудовую доблесть»; сын, Василий Семенович, — медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За трудовую доблесть», «За доблестный труд»; другой сын, Михаил Семенович, — медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

А получить все эти и награды могли только люди, выросшие в дружной рабочей семье, в такой, как Трубочениновы.

В. ХАРЛАНОВ,

ТРУБЧЕНИНОВЫ

Трудовые династии Магнитки

На снимках: Зоя Яковлевна Трубоченинова, Михаил Семенович и Геннадий Семенович Трубочениновы, Василий Семенович Трубоченинов.

Фото Н. Нестеренко.

встали картины его далекого детства.

ЖИЛИ они на шестом участке. Михаил и Василий помнят и тесный, набитый людьми барак, и землянку. Семья у Трубочениновых была большая — десять детей. В живых осталось только шестеро: Василий, Михаил, Геннадий, Владимир, Александр и сестра Валентина. Трудно приходилось Семену Николаевичу и Домне Петровне обустроить семью, накормить такую семью. Потому и были старшие помощниками родителям: за младшими присматривать, по хозяйству управиться, огород прополоть. С детства приучились к труду, но какими бы помощниками ни были они, а все равно оставались детьми. Любили погулять, пошалить, и порой это приносило в дом непоправимые беды.

Была у Трубочениновых в войну корова. Единственная кормилица. Уж как за нею ходили старшие — Василий и Михаил: травы укосят, принесут домой — ешк, Буренка, набирала молоко. Утром рано выгонят ее пастись, сами играют да поглядывают, но ушла бы далеко. А один раз не уследили, заигрались. А корова тем временем вышла на железнодорожный путь, попала под паровоз. Дома отец молча выслушал всхлипающих братьев-погодков, ничего не сказал, только седую голову нежно наклонил, отвернулся. Глупы еще были дети... Михаил Семенович до-

же время каждый из них испытал всю тяжесть сурового времени: землянках, военных годы, становление их как рабочих людей. Были у них трудности, были и радости. Память все держит при себе и в нужный момент воскрешает те или иные эпизоды их жизни.

ЧЕРНЫЙ грач, на свечке невидимый, по снежно-вспаханной полосе земли, шагает след за трактором, не обращая ни малейшего внимания на ребятшек. И только, когда люди подождают слишком близко, наклоняясь, чтобы поднять пшеничный колос, птица подозрительно косит на них глазами и делает шаг другой в сторону. Ребятишки увлечены работой и не замечают, что босые ноги болно колет щетинистая стерня, что черная птица вдруг заволновалась и нехотя, лениво взмахивая крыльями, отлетела подалеке. И когда кто-то из них почти наткнется на лошадиную морду и от неожиданности отскакивает в сторону, тогда все разом разгибаются и сразу понижают: все их труды пошли насмарку, сейчас объездчик заставит высыпать на землю все собранные колосья и прогонит их с поля. Обидно...

Но были и радости в то время. Однажды отец пришел с работы, выставил на стол гостинцы. Но самым неожиданным подарком была гармошка — перламутровые пуговицы, бле-

говорят, что дед запросто поднимал восемь пудов. Во всяком случае, было сильное у Василия стать сельным. Такое желание бывает у каждого мальчишки, но далеко не каждый сможет пронести через всю жизнь это увлечение, эти постоянные тренировки, эти грузки... Начинать он с двух кирпичей вместо гантелей, с ежидневной зарядки. А потом уж появилась колесная пара из-под железнодорожной тележки. Она стала называться штангой. Тренировались ребяташки где-нибудь на выгоне, за строениями. Потом у Василия были настоящие помосты, настоящая штанга, тренер. И признание. Первую свою спортивную награду он получил из рук директора комбината Носова. Григорий Иванович вручил Василию Семеновичу тогда наручные часы.

ГЕННАДИЙ СЕМЕНОВИЧ нажал кнопку звонка и вздрогнул от неожиданности — такой резкий, пронзительный звук раздался за дверью. Послышалась легкая шага, дверь открыла ему женщина. «Мать Саша», — сразу догадался Геннадий Семенович.

— Я мастер вашего Саши, пришел вот навестить. — Что, натворил Саша что-нибудь на работе? Да вы приходите, не стесняйтесь. Проживайте. Так что он там натворил?

— Ничего. Просто пришел узнать, как он живет, чем увлекается, познакомиться с его родителями.

спрашивала война, куда идти работать, свой жизненный путь выбрал сознательно. До службы работал станочником в основном механическом, потом четыре года отдал Военно-Морскому Флоту, после службы и по совету брата пришел работать в цех КИП и автоматики слесарем. Тут же поступил в техникум, а после окончания решил учиться в горном институте. Здесь в какой-то мере сказалось влияние жены (она к тому времени уже закончила МГМИ). После окончания института Геннадий Семенович был назначен мастером. Хлопот сразу прибавилось: мастер отвечает не только за выполнение плана, но и за людей, а потому должен разбираться в них. А как тут разберешься сразу, когда иной раз и дочь свою, пятиклассницу, не всегда понимаешь.

— Кем будешь? — спросил как-то ее Геннадий Семенович.

— Когда вырасту? Продавщицей или на базе где-нибудь буду работать.

Почему именно продавщицей или на базе — непонятно. Оказалось все просто. Бывая у своих подружек, Ира видела в их доме апельсины среди зимы, либо ковыры на полу. А работу людей пока еще не видит.

— Нет, дочка, ты дело выбирай по душе, а не по благам. Чтоб любить его всю жизнь.

И рассказывает ей о ее дядках, Василии Семеновиче